

В. В. Баранова

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАЛМЫКИИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹

1. Введение

Представленный социолингвистический очерк современного положения калмыцкого языка не претендует на полноту данных и сознательно ориентирован на описание языковой ситуации в поселках Ергенинский и Тугтун Кетченеровского района Республики Калмыкия. Данное описание является социолингвистическим комментарием к сборнику, основанному на полевых материалах, и призвано, с одной стороны, очертить исторический контекст и общее положение калмыцкого языка, а с другой, дать читателю возможность представить специфику полевой работы в Калмыкии (в частности, в указанных поселках), обусловленную ситуацией языкового сдвига.

Существующие исследования языковой ситуации в Калмыкии и положения калмыцкого языка посвящены, как правило, официальному статусу идиома, использованию калмыцкого в высших коммуникативных сферах, взаимовлиянию национального самосознания и титульного языка [Grin 2000; Босчаева, Корнусова 2005; Биткеева 2006]. Эти макросоциолингвистические вопросы чрезвычайно важны для анализа языковой ситуации в Калмыкии, однако понимание ситуации неполно без микросоциолингвистических исследований. Количественные методы, используемые в макросоциолингвистических исследованиях, не всегда эффективны для описания языковой ситуации, или, по крайней

¹ Материал собран в 2007 г. в поселке Ергенинский и в 2008 г. в поселке Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарю Е. В. Перехвальскую и С. С. Сая, прочитавших данный текст, за высказанные замечания.

мере, их оказывается недостаточно. Нижеследующее изложение языковой ситуации основано на качественных методах: данных наблюдений и интервью с информантами. Я попытаюсь рассмотреть особенности и истоки современной социолингвистической ситуации сквозь призму лингвистических биографий носителей калмыцкого языка.

Другое важное отличие от предшествующих описаний состоит в преимущественном внимании к факторам устойчивости языка. Социолингвистические описания калмыцкого языка, как это свойственно большинству исследований языкового сдвига, сосредотачиваются на признаках и причинах исчезновения миноритарного языка, однако, как показывают исследования ревитализации языков, необходимо учитывать такие факторы как субъективную жизнеспособность языка [Bourhis et al. 1981] и отношение к языку как один из факторов сохранения языка [Fishman 1991]. Я рассматриваю положение калмыцкого языка преимущественно с точки зрения факторов устойчивости языка.

В статье описываются два поселка — Ергенинский и Тугтун Кетченеровского района, поскольку только в этих двух поселках работали участники экспедиции, однако фоном послужили материалы социолингвистической экспедиции автора в поселке Шин-Мер Кетченеровского района, в поселке городского типа Кетченеры, в городе Элиста (в октябре 2007 г.).

В разделе 2 описан исторический контекст и даны общие сведения о калмыцком языке и его носителях; в разделе 3 описано формирование современной языковой ситуации (на основании исторических свидетельств и лингвистических биографий информантов), в разделе 4 обсуждается современная языковая ситуация в Калмыкии, в разделе 5 — особенности полевой работы в ситуации языкового сдвига, затем рассматриваются некоторые различия изучаемых поселков — Ергенинского и Тугтуна (раздел 6). В разделе 7 представлены основные выводы.

2. История калмыцкого языка и языковая политика

Носители калмыцкого языка проживают в России (в Республике Калмыкия, а также на территории Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей), в Китае

(Синьцзян-Уйгурский автономный район), Кыргызстане (у озера Иссык-Куль). Самая многочисленная группа носителей калмыцкого языка — в Калмыкии.

На территорию современной Калмыкии калмыки переселились в начале XVII в. из Центральной Азии, а в конце XVII века среди калмыков распространился ламаизм (разновидность буддизма). Традиционное занятие калмыков — скотоводство, предполагающее кочевой образ жизни, однако в советское время произошел переход к оседлости.

Калмыки составляют большинство в Калмыкии. По данным переписи населения 2002 г., в Республике Калмыкия проживает 292,4 тысячи человек, из них 155938 (53,3% от общей численности населения) — калмыки, 98115 (33,6%) — русские и 38329 (13,1%) — представители других групп (небольшие сообщества даргинцев, чеченцев, казахов, украинцев, аварцев, немцев и др.). Некалмыцкое население сосредоточено в основном в Элисте и в крупных поселках, граничащих с Волгоградской областью.

В калмыцком языке выделяют бузавский, торгутский и дербетский (или дюрвюдский) диалекты; литературный язык основан на последнем варианте. В Кетченеровском районе распространен дербетский диалект.

Калмыки имеют давнюю письменную традицию. В 1648 г. просветитель Зая Пандита на основе использовавшегося калмыками монгольского квадратного письма создал ойратское (калмыцкое) вертикальное письмо «Тодо бичиг» («Ясное письмо»), но в 1924 г. для калмыцкого языка была введена новая письменность на основе кириллицы. Смена графики неизбежно нарушает культурную преемственность. Хотя «Ясное письмо» использовала лишь небольшая часть сообщества, к моменту смены письменности накопилось значительное число текстов (переводы старомонгольских и тибетских религиозных, философских книг, опубликованный калмыцкий эпос «Джангар» и др.), оказавшихся недоступными для следующих поколений. Однако на этом перипетии калмыцкого письма не закончились: в 1930 г. идиом был переведен на латинскую графику, а в 1939 —

снова на кириллицу². Последний вариант используется и сейчас; в 2000–2001 годы планировалась реформа письменности, однако предложенная орфография вызвала недовольство носителей калмыцкого языка и школьных учителей и была отклонена [Баранова 2008].

Довоенная языковая политика советского государства была ориентирована на развитие начальной школы на родных языках основных языковых меньшинств. В 1920-ые годы обучение в калмыцких школах проходило преимущественно на русском из-за нехватки учителей и учебников, хотя распространение школы на родном языке происходило достаточно быстро. В 1923 г. обучение велось на русском языке, калмыцкий не преподавался; в 1925–26 учебном году первые и вторые классы с обучением на калмыцком языке открылись в 30 школах, а в остальных калмыцких школах калмыцкий преподавался как предмет [Ташнинов 1969: 114]. Количество классов с преподаванием на калмыцком языке постепенно увеличивалось; к 1937 г. был полностью завершен перевод обучения в 1–4 классах калмыцкой школы на калмыцкий язык (русский язык преподавался как предмет; с 5 по 7 класс обучение велось на русском, а калмыцкий был одним из предметов). Работа калмыцкой школы была нарушена сначала войной, а затем выселением калмыков в Сибирь.

Переломным для языковой ситуации в Калмыкии был 1943 год. В 1940–44 годы были насильственно переселены многие народы Северного Кавказа (балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы), Закавказья (курды, турки-месхетинцы, хемшины и некоторые другие группы), немцы Поволжья, крымские татары и другие народы Крыма. По обвинению в измене Родине и коллаборационизме тотальному выселению подверглись и калмыки. В декабре 1943 года Калмыцкая АССР была расформирована (территории отошли Ставропольскому краю и созданной Астраханской области), а калмыки депортированы в Сибирь (Новосибирскую область, Красноярский

² Эти изменения находились в ряду экспериментов 1920–30-х годов по языковому планированию, ср., например, историю латинизации алфавита крымско-татарского языка [Lazzerini 1985].

и Алтайский края). Невыносимые условия переселения, непривычный климат и голод привели к гибели тысяч калмыков (было выслано около 120 тысяч человек, а вернулось менее 78 тысяч). Только в конце 1956 г. калмыки были реабилитированы, и в 1957–58 годы вернулись в Калмыкию. В период с 1943 по 1957 годы калмыцкий язык не преподавался в школах, а языковая политика была направлена на исключение калмыков и калмыцкого языка из социальной жизни (в частности, калмыцкие топонимы были заменены русскоязычными названиями; например, город **Элиста** с 1944 по 1957 г. назывался **Степной**).

После реабилитации калмыков языковая политика, по крайней мере, в течение некоторого времени, была направлена на поддержку калмыцкого языка. В период с 1958 по 1962 годы в поселках работали начальные школы на калмыцком языке, в средней школе калмыцкий преподавался как предмет. После закрытия начальной школы на калмыцком языке калмыцкий как один из предметов сохранялся в школьной программе вплоть до настоящего времени. Сегодня калмыцкий язык преподается как предмет во всех школах Республики Калмыкия, существуют школы с углубленным изучением родного языка, в которых часть занятий в младших классах идет на калмыцком.

Калмыцкий язык, наряду с русским, обладает статусом государственного языка Республики Калмыкия (согласно закону «О языках в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 30 января 1991 года, см. анализ законодательства в статье [Grin 2000]), однако де-факто его употребление в официальной сфере ограничено: двуязычные носители не пользуются возможностью представлять свои интересы в суде на калмыцком языке или агитировать избирателей; лишь в исключительных случаях на калмыцком произносят научный доклад или пишут статью. На калмыцком языке выходит газета «Хальмг Үнн», ведутся радиопередачи на калмыцком, проходит часть телевидения на одном из каналов (новости на калмыцком языке), однако русскоязычные СМИ более популярны в республике.

Несмотря на официальный статус и меры поддержки калмыцкого языка в 1990-2000 годы, число носителей калмыцкого языка сокращается. Все носители калмыцкого языка

— билингвы и свободно владеют доминирующим русским языком. Большинство свободно говорящих по-калмыцки людей относится к старшим возрастным группам и проживает в небольших, достаточно удаленных от центра поселках. В городе Элиста и крупных поселках используют почти исключительно русский язык; в большинстве калмыцких семей именно доминирующий русский язык используют в общении с детьми. Таким образом, калмыцкий язык находится в ситуации языкового сдвига.

3. Депортация в Сибирь и начало языкового сдвига

Основной фактор языкового сдвига, по мнению исследователей, — депортация группы в Сибирь. Жизнь в Сибири считают ключевым моментом при смене языка (или, по крайней мере, изменении норм использования языка и начале языкового сдвига) и большинство информантов:

Они попали туда (в Сибирь. — В. Б.), они стали говорить на русском. Почему у нас проблема языка идет — потому что они там потеряли (ЕНБ, 1957, родилась в Локтевском районе Алтайском крае, Ергенинский)³.

Однако это часто встречающееся объяснение вовсе не исчерпывает ситуацию. Во-первых, депортация не привела к полному исчезновению калмыцкого языка (иначе данный сборник был бы невозможен). Во-вторых, значительный вклад в процесс постепенного перехода на русский язык оказали последующие десятилетия. Среди калмыков 1960-1980 годов рождения много тех, кто плохо знает калмыцкий язык и/или крайне редко говорит на нем, тогда как большинство сибирских детей все же в какой-то степени знают калмыцкий.

Языковой сдвиг — континуум, поэтому достаточно сложно (и, возможно, бесперспективно) выделять момент смены языка в сообществе, однако можно обозначить условную границу использования преимущественно того или иного языка

³ Здесь и далее в скобках указаны инициалы и основные сведения об информанте: год и место рождения, местожительство (если оно не совпадает с местом рождения) информанта.

на индивидуальном уровне. Лингвистические биографии информантов свидетельствуют, что подобный период для многих носителей приходится на 1970-ые годы; примерно такое же распределение дают наблюдения.

Проблема языкового сдвига рассматривается здесь с точки зрения социальных изменений, т. е. в центре внимания оказываются изменения в составе носителей калмыцкого языка (сокращение числа носителей калмыцкого языка, преобладание представителей старшей возрастной группы среди говорящих на калмыцком и др.) и изменения в распределении идиомов по разным коммуникативным сферам (domains) и специфика коммуникации на калмыцком языке. Структурные изменения в калмыцком языке и специфика текстов на калмыцком обсуждается в [Баранова, Сай, настоящий сборник].

Насильственное переселение, тяжелые условия переезда, непривычный климат Сибири, голод привели, как уже сказано, к резкому сокращению численности группы. Оставшаяся часть сообщества нередко предпочитала использовать русский, а не калмыцкий язык, так как непрестижное положение ссыльных распространялось и на язык калмыков. Среди русскоязычного населения поселков, куда сослали калмыков, распространились слухи о том, что калмыки — каннибалы, поэтому местное население боялось приезжих [Гучинова 2005]. Пожилые калмыки вспоминают, что те, кто мог говорить по-русски, старались в присутствии посторонних говорить между собой по-русски, так как иначе соседи подозревали их в преступных намерениях.

Калмыки в Сибири не жили компактно, а были расселены группами по две–три семьи в поселки со смешанным населением. В некоторых деревнях сложилось калмыцкое сообщество, но многим калмыкам не с кем было говорить на родном языке.

В Сибири калмыцкий язык не преподавали в школе. При дисперсном расселении калмыков (по 2-3 семьи в поселке) невозможно было сформировать классы из детей одного возраста. Кроме того, «в 1944–45 учебном году дети-калмыки школьного возраста в подавляющем большинстве вообще не обучались из-за бедственного материального положения» [Бакаев и др. 2001: 217]. В последующие годы дети-калмыки, как правило, поступали в школу с русским языком обучения, хотя

учились обычно лишь несколько лет: многие информанты вспоминают, что в девять-десять лет бросили школу, чтобы пойти работать. Как правило, кто-то из взрослых, знающих русский, собирал детей из разных семей и занимался начальным уровнем русского языка; дети, родившиеся в Сибири, усваивали русский в общении со сверстниками — русскими, украинцами, немцами.

Как отмечают некоторые информанты, до депортации русский язык практически не был известен сообществу: им владели жители города и отдельные калмыки, получившие до революции школьное образование на русском языке или служившие в армии. Пожилые информанты подчеркивают, что до 1943 года русский знали только «грамотные люди», выполнявшие роль переводчиков при контактах с русскими. Те, кто не знал русского (а таких было большинство), ощущали себя крайне некомфортно и стремились быстро овладеть им:

<— А вы знали русский?> Нет. Но потом на работу ходили — и научились. Ну, не так качественно... Там тоже были... на русском знали. Ну там были, кто по-русски знали, а мы как немые были, калмыки (...) Были такие старики, которые приехали в Сибирь и не научились по-русски. Так и вернулись. Мы научились на работе, и все нас учили, девчат. С девчатами ходили — там отдыхаем, кушаем на таборе — и научились. А старики никуда не ходили. (ДАБ, 1926, родилась в Ергенинском).

ДАБ, которой в 1943 году было 17 лет, сравнительно быстро овладела минимальным уровнем русского языка, достаточным для коммуникации с другими работниками колхоза, однако ее компетенция в русском языке до сих пор недостаточно полна, а по-калмыцки она говорит свободно. Она отмечает, что пожилые люди могли и не выучить русский вовсе или овладеть специфическим кодом, который информанты называют «смешанным языком».

Большинство калмыков, чье детство или юность прошли в Сибири, свободно владели русским языком, но, как правило, в большей или меньшей степени говорили и по-калмыцки; внутри семьи калмыки предпочитали говорить на родном языке, если была такая возможность.

Исключения из этого двуязычного правила составляют,

во-первых, дети и подростки, оставшиеся без родителей, не выучившие калмыцкий (или забывшие его) и владевшие только русским, и, во-вторых, пожилые женщины, не овладевшие русским языком за время пребывания в Сибири (если в поселке оказывалось достаточное число калмыков, то несколько родственных семей держались вместе и бабушка оставалась со всеми детьми, практически не выходя за пределы дома). Если ребенок оказывался вне языковой среды (а во время переселения многие дети остались сиротами), то его знания калмыцкого сводились к воспоминаниям раннего детства; возможность восстановления языковой компетенции представилась уже после возвращения в Калмыкию. Таким образом, уровень владения титульным языком в значительной степени зависел от биографических обстоятельств, что служит одним из первых признаков языкового сдвига. Чудовищное сокращение общей численности калмыков во время вынужденного переселения и тяжелой жизни в Сибири привели к нарушению нормальных механизмов передачи языка. В сообществе одновременно сосуществовали группы, одноязычные только на титульном или только на русском языке, — такое положение, при котором представители разных поколений не имеют общего языка, характерно для радикальной языковой смерти, тогда как для других случаев исчезновения языка характерен длительный период двуязычия всего сообщества. Подобные ситуации быстрого исчезновения языка в условиях политических репрессий или геноцида представляют собой катастрофические темпы языкового сдвига («radical language death» в терминологии [Campbell, Muntzell 1992], или «tip» в терминологии Н. Дориа [Dorian 1981: 51]).

Однако положение сообщества изменилось прежде, чем калмыцкий язык перестал существовать. В 1957-58 гг. калмыки возвращаются в Калмыкию, т. е. было восстановлено компактное проживание (некоторые из калмыков, расселенные в Сибири в отдаленные поселки, лишь здесь оказались в калмыцком языковом окружении).

Языковая лояльность сообщества была чрезвычайно высока: многие люди, не выучившие калмыцкий язык из-за трагических биографических обстоятельств, стремились

компенсировать это, как только оказались в Калмыкии. В сообществе выработались механизмы приостановления языкового сдвига и восстановления компетенции отдельных носителей. Следует отметить чрезвычайно активное отношение к языку, проявляющееся как на уровне индивидуальных стратегий, так и в жизни всего сообщества. Приведу два примера. Калмычка А. (АДЛ, 1935, родилась в Ергенинском), осиротевшая по дороге в Сибирь, оказалась в 8 лет в детском доме, где выучила русский и забыла калмыцкий язык. В 19 лет она вернулась к родственникам-калмыкам, но она полностью забыла калмыцкий. По ее словам, она испытывала дискомфорт из-за незнания языка, а родственники-калмыки ждали от нее, что она освоит калмыцкий язык, и А. целенаправленно изучала калмыцкий как второй язык:

Я среди русских жила с малых лет, в детдоме, поэтому я приехала домой — сестра меня забрала — ни а, ни бе не знала. Вот по пять слов писала сама — сама училась. <— И специально записывали?> Ну конечно. По одиночке слова записывала — а после уже само по себе приходит. Как предложение, как обращаться к людям. Записывала и каждый день учила. Потому что приходят бабушки, между собой разговаривают — я не понимаю, а я же типичная калмычка. Их переспрашивать — они по-русски не знают. В общем, в какой-то момент мне очень тяжело было, понимаешь? По-русски они не понимают, по-калмыцки я не понимаю. Ну, я решила сама учиться. Вот я и выучила (АДЛ, 1935, родилась в Ергенинском).

Язык А. несколько отличается от языка ее сверстников, она использует достаточно много синтаксических моделей, заимствованных из русского языка, но в поселке Ергенинский все признают ее полноценным носителем калмыцкого языка, а с другими пожилыми калмыками А. говорит преимущественно на калмыцком языке. Другой пример — история Р., которая родилась в 1942 г. в городе Элиста, но с 1943 г. жила в одном из поселков Тюменской области (Сибирь), где не было калмыцкой языковой среды; в 1949 г. переехала в Тюмень и среди других депортированных детей выучила калмыцкий, однако потом семья оказалась на золотых приисках в Красноярском крае, Р. снова забыла калмыцкий язык,

и выучила его уже во взрослом возрасте в Калмыкии в университете; сейчас Р. — один из ведущих специалистов по калмыцкому языку.

Однако, несмотря на усилия сообщества сохранить калмыцкий язык, с 1960-1970-ых годов нарастает расхождение в стратегиях использования языка и языковой компетенции городских и сельских жителей и калмыков, относящихся к разным поколениям, т. е. формируется континуум носителей по степени владения языком, что характерно для постепенного языкового сдвига («gradual language death» в терминологии Л. Кэмпбелл и М. Мюнцеля [Campbell, Muntzell 1992]). Итак, после возвращения в Калмыкию языковой сдвиг не прекратился, но, по крайней мере, перешел к другому типу.

4. Особенности современной языковой ситуации в Калмыкии

Главные особенности языковой ситуации в Калмыкии — это анклавный характер существования калмыцкого языка, письменная форма существования языка, нарушение естественных моделей передачи языка (на уровне всего сообщества) и формирование возрастного континуума носителей. Эти черты характерны для множества языков, находящихся под угрозой.

4.1. Калмыцкий язык в анклавах

В Элисте и в крупных поселках русификация происходила достаточно быстро, тогда как жители небольших ферм вели традиционный образ жизни, предполагавший общение на родном языке, так что дети из семей скотоводов плохо владели русским. Каждая семья была прикреплена к той или иной ферме в совхозе, но фактически бóльшую часть времени калмыки проводили на «точках» — одиночных домах в степи, сооружаемых в местах выпаса скота. Дети-дошкольники жили на «точках», а когда поступали в школу, родители оставляли их на ферме с родственниками или в интернате и забирали в степь на каникулы. Сельская часть калмыков, несмотря на опыт 13-летнего проживания в иных условиях, быстро включилась в додепортационный ритм жизни, тогда как часть сообщества под влиянием травматического опыта депортации стремилась

в 1960-1980-ые годы к социализации внутри доминирующей русскоязычной культуры.

Анклавный характер распространения калмыцкого языка косвенно связан и со школой: начальную школу на калмыцком языке в конце 1950 — начале 1960-х годов открывали в тех поселках, где менее всего был распространен русский язык, что увеличивало разрыв между русскоязычными и преимущественно калмыкоязычными калмыцкими поселками. Информанты вспоминают, что уже в 1970-ые годы по-калмыцки в Элисте говорили только сельские жители. Сегодня существует высокая вероятность угадать поселок, из которого прибыл человек, говорящий по-калмыцки⁴. В настоящее время разрыв между поселками, в которых говорят на калмыцком, и «неговорящими» городом и селами стал почти непреодолим (при этом число тех, кто свободно говорит по-калмыцки, сокращается). Это расхождение осознается как городскими, так и сельскими калмыками и служит объяснением индивидуального языкового выбора для первых и поводом для гордости для вторых:

Раньше смеялись над нами в городе, что мы по-калмыцки говорим, а сейчас им нравится, и мы как специально говорим, что мы как бы выше их получаемся (НДМ, 1957, родилась в Алтайском крае, Тугтун).

«Жизнь в калмыцком селе» как импликация знания языка (и жизнь в городе как условие невладения языком) настолько стереотипизированы, что даже использовались в школьной практике: ученики из школы-партнера «Алтин хасн» (Элиста) приезжали на экскурсию в Тугтун с подготовленными текстами на английском языке, а школьники из средней школы поселка Тугтун готовили экскурсию на калмыцком (хотя дети из поселка не всегда владеют калмыцким, а элистинские ученики были из школы с углубленным изучением калмыцкого).

⁴ Возможно, что на сегодняшний день важен не только статус и численность населения поселка, но географическая принадлежность. Многие информанты полагают, что калмыцкий язык лучше всего сохранился в Кетченеровском районе, однако я не могу подтвердить или опровергнуть это наблюдение.

4.2. Письменная форма существования языка

Материалы социолингвистического опроса показывают, что наиболее вероятный домен использования калмыцкого языка — это сфера образования (ситуации «В библиотеке» и «С учителем», [Босчаева, Корнусова 2005: 152–153])⁵. Помимо использования идиома преимущественно в одной коммуникативной сфере — в среднем образовании (соответствующая обстановка — школа, собеседник — учитель, а тема — школьные успехи детей или части программы), неограниченное доверие сообщества к институциональной поддержке приводит и к трансформации понятия «знать язык L / говорить на языке L». По данным того же социолингвистического опроса, дети из Яшалтинского района (в котором сохранность языка не очень велика) отвечали, что хуже понимают устный калмыцкий язык, но лучше читают и пишут. Авторы проекта полагают, что подобные ответы являются

⟨...⟩ отражением традиционного подхода к обучению калмыцкому языку в системе образования, когда акцент делается на развитии не коммуникативных, а пассивных навыков, т. е. ребенок может рассуждать следующим способом: «говорить на калмыцком и понимать обращенную ко мне речь я не могу, но могу читать и писать», хотя очень сомнительно, понимает ли он то, что читает и пишет [Босчаева, Корнусова 2005: 152].

Таким образом, понятие чтения и письма на родном языке меняет смысл и начинает обозначать знание соответствующих букв (отличных от русского алфавита) и, вероятно, знание основных правил калмыцкой орфографии⁶.

Представление о преимущественном использовании калмыцкого языка в сфере образования предполагает, что

⁵ В данном случае я не готова определить, отражают ли полученные авторами опроса проценты ответов фактическое функциональное распределение идиомов (при котором за калмыцким закреплена сфера образования) или лишь представления респондентов, вынужденных вспоминать, где может понадобиться калмыцкий язык.

⁶ Возможна и другая интерпретация этих данных: формирование специфически письменной компетенции («читаю со словарем»).

«экспертами» в языковых вопросах являются учителя, специалисты по калмыцкому языку из университета. Однако большинство образованных калмыков, в том числе и учителей калмыцкого языка и литературы, в повседневной жизни используют преимущественно русский язык. Калмыцкий относится для них в основном к сфере письменной коммуникации (включающей в себя и чтение литературы на калмыцком языке и проверку школьных сочинений). Нередко эти люди склонны к языковой рефлексии и винят себя в том, что говорят по-русски. Например, учительница Б. (ББД, 1975, родилась в Ергенинском), хорошо владеющая калмыцким языком, спохватывалась, что, обсуждая с исследователем дальнейшие судьбы калмыцкого языка, все равно окликает дочь-подростка на русском (хотя та понимает калмыцкий).

Чтению и письму, как сказано выше, учит школа, и только эти навыки остаются у тех, кто не использует калмыцкий язык. К письменной коммуникации обращаются и носители с высокой мотивацией выучить калмыцкий язык, поступающие на калмыцкий факультет в университете или участвующие в форуме «Говорим по-калмыцки» (<http://www.elista.org/forums/index.php>).

Письменная форма усвоения и использования калмыцкого языка стала массовой лишь в последние десятилетия. К сожалению, ситуация языкового сдвига, в первую очередь — отказ от использования калмыцкого языка в общении с детьми, приводит к тому, что письменная форма языка не дополняет устную (как это свойственно «благополучным» стандартизированным языкам), а оказывается единственным вариантом, который усваивает младшее поколение. В сообществе сосуществуют преимущественно устная форма использования калмыцкого языка у «полноценных» носителей (лишь очень немногие пожилые носители используют калмыцкий для чтения и письма) и преимущественно письменная форма существования языка у молодых членов сообщества.

4.3. Возрастные типы носителей калмыцкого языка

Еще одна особенность современной языковой ситуации в Калмыкии — корреляция между языковой компетенцией индивида и принадлежностью к определенному поколению.

Формирование возрастного континуума компетенции — чрезвычайно характерное свойство градуального языкового сдвига.

Представленная ниже типология носителей является обобщением лингвистических биографий информантов из разных поселков, поэтому носит несколько условный характер.

1. **Старики** (1920–30 годов рождения). Первым языком тех, кто родился до депортации, был калмыцкий; русский они освоили в Сибири. Как правило, калмыки 1930-х годов рождения достаточно легко овладели русским (в отличие от своих родителей). Среди самых пожилых носителей (начала 1920-ых годов рождения) встречаются плохо знающие русский язык.

2. **«Сибирское поколение»** (1940-1950-ых годов рождения). Овладение калмыцким языком для тех, кто родился в Сибири или был перевезен туда во младенчестве, зависел, как показано выше, от биографических обстоятельств, однако, как правило, первым языком все-таки был калмыцкий (за исключением детей-сирот). Однако затем семейный язык вступал в конкуренцию с русским — языком сверстников, формального образования, в дальнейшем — работы. Именно представители этого поколения первыми перестали говорить по-калмыцки со своими детьми, хотя сами достаточно хорошо знают калмыцкий, обращаются по-калмыцки к старшим, используют и русский, и калмыцкий в общении со сверстниками. Некоторые представители сибирского поколения попали в начальную школу на калмыцком языке (после возвращения в Калмыкию), а затем столкнулись с болезненным переводом на русский язык; своих детей они стремились оградить от подобного шока.

3. Среди тех, кто родился в **1960-70 годы**, не все владеют калмыцким языком. Во многих семьях в 1960-70 годы с детьми говорили по-русски (отчасти для того, чтобы упростить переход к школьной жизни). Городские калмыки этого поколения часто плохо знают калмыцкий, хотя и сожалеют об этом; на волне этнического возрождения 1980-90-ых годов они стремились отправить детей в школу с калмыцким языком, так как сами часто не могли предоставить доступ к калмыцкому языку. Люди

1960-70 годов рождения, живущие в поселках, обычно владеют калмыцким, хотя их компетенция отличается от компетенции представителей первых двух групп.

4. Для всех **молодых людей и подростков** (1980–1990-ых годов рождения) и **детей** (2000-ых годов рождения) родным языком является русский, калмыцким они владеют в рамках школьной программы. Подростки из поселков, в которых сохраняется калмыцкий язык, способны, как правило, поддерживать коммуникацию на бытовые темы с постоянным переключением кодов или отвечать по-русски на обращение по-калмыцки. Молодые люди и подростки из менее благополучных в языковом отношении поселков могут воспроизвести несколько фраз на калмыцком (формулы приветствия и т. п.). Хорошее, по сравнению со сверстниками, знание калмыцкого в рамках этих групп является индивидуальным достоянием и предметом гордости, чья компетенция, однако, в любом случае не полна и их можно назвать полуязычными носителями⁷.

Внутри каждой группы есть люди, выучившие язык выучившие язык самостоятельно. Для тех, кто родился в Сибири, это означает меньшую, по сравнению со сверстниками компетенцию, для молодых носителей — наоборот, хорошее, по сравнению со сверстниками, знание языка.

5. Специфика полевой работы в условиях языкового сдвига

Некоторые из особенностей полевой работы в Калмыкии, в частности, значительное варьирование, типичны для описания любого языка с преимущественно устным употреблением; другие — такие как существенное различие в компетенции информантов и преобладание полноценных носителей среди старшей возрастной группы — связаны с сохранностью языка. Представленные в сборнике тексты и статьи сознательно ориентированы на устный вариант калмыцкого языка (или на дюрвюдский диалект калмыцкого языка).

⁷ Т. е. некомпетентными говорящими; см. о полуязычных носителях (semi-speakers) [Dorian 1980].

Особенности полевой работы с носителями исчезающих языков неоднократно становились предметом рассмотрения [Bowern 2008; Evans 2001], в том числе, и применительно к контактными ситуациям с доминирующим русским языком [Кибрик 1972; Кибрик (ред.) 2005]. Часто отмечается невозможность использовать в таких случаях стандартный метод прямой элицитации («elicitation»): «в случае работы с полужычными носителями, типичными для ситуации исчезновения языка, он становится бесполезным» [Grinevald 1998: 155].

В ситуации языкового сдвига происходит повышение вариативности (по сравнению с «нормальной ситуацией» устной формы существования языка). В предельном случае исследователь сталкивается с континуумом идиолектов. В этих случаях возникает проблема выбора варианта для документирования языка. Нередко в контактных ситуациях в сообществе формируется сравнительно устойчивый вариант языка, используемый молодым поколением носителей (см., например, классическое описание варианта дирбал у молодых людей [Schmidt 1985]). Трудно сказать, сформировался ли такой сокращенный вариант калмыцкого языка, образуют ли их идиолекты систему.

Возрастные варианты языка представляют собой, особенно с точки зрения социолингвистов, самостоятельный интерес, однако для целей данного сборника нам показался правильным сравнительно консервативный вариант выбора «полноценных» носителей в качестве информантов. Грамматическое описание языка предполагает определенный консерватизм, ориентацию на норму предшествующего поколения.

Достаточно традиционным является и принятое в рамках Калмыцкого семинара и настоящего сборника решение проблемы варьирования: особенности идиолектов не рассматриваются. Учитывается только вариативность, допускавшаяся всеми носителями.

Особенности идиолектов могут быть прослежены на текстах, поскольку при выборе текстов мы допускали большую свободу, чем при отборе лингвистических анкет. В любом случае все информанты, от которых записаны тексты,

— «полноценные» носители языка (сама по себе способность произнести спонтанный монолог на калмыцком языке является достаточным тестом), однако среди них есть представители разных поколений и, следовательно, разных возрастных групп носителей.

6. Языковое сообщество в поселках Ергенинский и Тугтун

Ниже сравниваются два калмыцких поселка — Ергенинский и Тугтун Кетченеровского района, в которых велась полевая работа в 2006-2007 годы и в 2008 году соответственно. Это сравнительно небольшие поселки. И Ергенинский, и Тугтун считаются поселками, сохранившими калмыцкий язык (это мнение разделяют и сами жители, и их соседи); как правило, информанты называли эти поселки говорящими, калмыцкими или чистыми. Однако с точки зрения использования калмыцкого языка эти поселки различаются между собой.

Ергенинский — поселок расположен на трассе Волгоград–Элиста, примерно 1000 жителей, калмыки составляют около 90% населения. Немногочисленные некалмыки в поселке не владеют калмыцким; по-русски обращаются и к любым незнакомым людям (поскольку поселок расположен на шоссе, в нем часто бывают посторонние). Выбор калмыцкого или русского зависит от возраста носителя и его собеседника, однако чаще коммуникация происходит на русском.

Тугтун — небольшой поселок (около 300 жителей), расположенный в стороне от трассы; в Тугтун ведет грунтовая дорога, по которой затем можно проехать в еще один маленький поселок, Эвдыг. Сообщение осуществляет автобус, который ходит два раза в неделю в районный центр (Кетченеры). Единственная русская в поселке (молодая учительница, вышедшая замуж в Тугтун около 8 лет назад) понимает калмыцкий, хотя отвечает обычно по-русски. В Тугтуне калмыцкий язык используется в повседневном общении. Все жители поселка двуязычны и постоянно переключают коды.

Различия между двумя поселками достаточно значительны, хотя они скорее количественные, нежели качественные. В обоих случаях мы наблюдаем возрастной континуум компетенции, однако в Ергенинском этот процесс зашел несколько дальше.

Компетенция первых двух возрастных групп (1920-30-х годов рождения и «сибирского поколения») примерно одинакова, но 40-50-летние калмыки в Тугтуне признаются (и являются) «полноценными» носителями языка, тогда как в Ергенинском этот рубеж сдвинут в сторону пожилых носителей.

Разница между поселками оказалась достаточной, чтобы авторы настоящего сборника использовали преимущественно материалы из Тугтуна в примерах к статьям. В сборнике публикуются только тексты, записанные в Тугтуне. Хотя в Ергенинском также было записано несколько текстов, их качество гораздо ниже: даже хорошие информанты из Ергенинского затруднялись перед записью текстов, нередко просили дать им возможность обдумать и подготовить историю. Возможно, существуют собственно лингвистические отличия ергенинского варианта от тугтунского, хотя ситуация языкового сдвига делает практически невозможной сравнения двух систем. Однако полностью игнорировать два года полевой работы в поселке Ергенинский тоже нельзя — на этих материалах строились гипотезы, которые затем проверялись на материалах текстов и анкет из Тугтуна.

7. Выводы

Начало процесса языкового сдвига связано с депортацией калмыков в Сибирь. После возвращения языковой сдвиг замедлился, но не прекратился. Если положение калмыцкого языка в Сибири представляет собой случай катастрофических темпов смены языка, то языковая ситуация в Калмыкии после 1957 г. может быть классифицирована как постепенный (градуальный) языковой сдвиг.

Языковая лояльность сообщества достаточно высока, и без влияния субъективных факторов жизнеспособности языка невозможно объяснить сохранение калмыцкого языка в Сибири и приостановку языкового сдвига после возвращения в Калмыкию, восстановление компетенции отдельных носителей, индивидуальные усилия по изучению языка, предпринимаемые некоторыми молодыми калмыками.

Владение калмыцким языком зависит от ряда факторов: принадлежности к локальному сообществу (выделяется ряд

поселков-анклавов, в которых используется преимущественно калмыцкий язык), поколения, индивидуальных свойств (особенностей семьи, лингвистической биографии, мотивации к овладению калмыцким языком). В сообществе представлены различные типы компетенции, образующие континуум от «полноценных» до полуязычных носителей. Выделяется группа носителей калмыцкого языка, использующих калмыцкий преимущественно в письменной коммуникации; они составляют большинство среди молодых калмыков.

Этот континуум определяет специфику полевой работы лингвистической экспедиции в Калмыкии и диктует выбор места и отбор информантов, а также некоторые ограничения в выборе методов получения материала. Статьи в сборнике основаны на материале более благополучного в языковом отношении поселка Тугтун, в котором представители средней возрастной группы свободно владеют языком и используют его в повседневной коммуникации.

Литература

- Бакаев П. Д., Бугай Н. Ф., Бурчинова Л. С., Гладкова С. А., Романов А. С., Тапкина А. О. (ред.). 2001. *Ссылка калмыков: как это было*. Сборник документов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. Т. 1. Кн. 2.
- Баранова В. В. 2008. Кто и как меняет язык? (Дискуссии о языковом планировании в Калмыкии) // *Учебный текст в советской школе*. СПб.; М.: Институт логики и когнитологии. С. 417-424.
- Баранова В. В., Сай С. С. Комментарии к текстам. Настоящий сборник.
- Биткеева А. Н. 2006. *Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык*. Автореф. дисс. д. филол. н. М.
- Босчаева Н. Ц., Корнусова Б. Э. 2005. Социолингвистическая ситуация в Республике Калмыкия (предварительные результаты социологического исследования) // *Сохранение и развитие языков: языковое планирование в Европе и России*. Материалы международного семинара (28-29 сентября 2004). Элиста: Джангар. С. 146-160.
- Гучинова Э. Б. 2005. *Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Кибрик А. Е. 1972. *Методика полевых исследований (к постановке проблемы)*. М.: Изд-во МГУ.

- Кибрик А. Е. (ред.). 2005. *Малые языки и традиции: существование на грани*. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство.
- Ташнинов Н. Ш. 1969. *Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Bourhis K., Giles H., Rosenthal D. 1981. Notes on the construction of a subjective vitality questionnaire for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2. P. 145-155.
- Bowern C. 2008. *Linguistic fieldwork: a practical guide*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Campbell L., Muntzell M. C. 1992. The structural consequences of language death // Dorian N. C. (ed.). *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 181-196.
- Dorian N. C. 1980. Language shift in community and individual: The phenomenon of the laggard semi-speaker // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 25. P. 85-94.
- Dorian N. C. 1981. *Language death: The life cycle of a Scottish Gaelic dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Evans N. 2001. The last speaker is dead — long live the last speaker! // Newman P., Ratliff M. (eds.). *Linguistic fieldwork*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 250-281.
- Fishman J. A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Philadelphia: Multilingual Matters.
- Grin F. 2000. Kalmykia: from oblivion to reassertion? // *European Centre for Minority Issues Working Paper № 10*, Flensburg. Доступен на веб-странице (http://www.ecmi.de/download/working_paper_10.pdf).
- Grinevald C. 1998. Language endangerment in South America: a programmatic approach to endangered languages // Grenoble L. A., Whaley L. J. (eds.). *Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge University Press.. P. 124-160.
- Lazzerini E. 1985. Crimean Tatar: The Fate of a severed tongue // Kreidler I. T. (ed.). *Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter. P. 109-124.
- Schmidt A. 1985. *Young People's Dyrbal: An Example of Language Death from Australia*. Cambridge: Cambridge University Press.